

ТОМ ВИРЛИРЛИ

ПРИВИВКА ОТ СУМАСШЕСТВИЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Том Вирлирли

Прививка от сумасшествия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40523373

SelfPub; 2019

Аннотация

Бог – мертв. Смысла – нет. Истина – субъективна. В городе слов гуляет дислексик, последний пророк, которого, даже если кто-то увидит, все равно не заметит никто. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 41. В ванне	4
Предисловие	8
Глава 1. Я – подлежащие	10
Глава 2. Лежать пока не встанешь	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Глава 41. В ванне

Я задремал в ванной. Вода остыла, и чтобы минимизировать холод я замер. Так еще достаточно приятно находится в воде, закроешь глаза, кажется, ее нет. Жалко, что ноги были подняты на бортик и совсем окоченели. А бедные пальцы, скоро боюсь растворяться. Или их волны перекочуют в глубь, дальше ко мне на ладони. Я пересматривал события дня. Еще одного прошедшего дня. Я смотрю на кран. Как он убог и как его мало. Неужели человек настолько ограничен, что может воспринимать только кран, может воспринимать одну вещь в один момент времени. Где вещь – это и мысль, и чувство, и все на что может быть направлено внимание. Я смотрю на кран, на полтора метра вперед. На его тельцо. На его тельце растянута размазанной полосой линия света из щели с двери из коридора. Иногда срывается капля. А за краном стена. На стене кафель, и когда я не думаю, когда смотрю, во-первых – я существую, во-вторых – ничего не существует кроме крана или смотрения на кран. Как угодно, спор о словах, а когда я смотрю вперед и только смотрю, нет этих слов. Неужели всегда взгляд упирается так в стену? Как этого мало и как убого. Я смотрю на кран и понимаю, что “мало и убого” это уже другое, еще одна стена. Понимаю, что “мало и убого” и кран в своём существование тождественны, равны. И когда есть кран, нет слов выносящих вердикт,

а когда есть слова, наоборот нету крана. Но и кран и вердикт про кран: стена. Что же тогда дает непрерывность жизни? Если по сути чувствуя, что мне вкусно, я перестаю чувствовать вкус. Если надавливая пальцем на ладонь, я не знаю где чувствую осязание. Если каждая строчка меня выплевывает из текста. Как бы их не ровняли, я не верю в какую-нибудь связь их. Я спотыкаюсь об бордюр новой строки, переходя на нее, или оступаюсь немного вниз наоборот выходя со строки. Оно не связано между собой. Я не могу видеть сюжет. Возможно нужно отойти и бессмысленные хаотичные пятна сложатся в композицию и станут понятны. Но отойти невозможно. Что же тогда дает чувство (обманчивое или правдивое) непрерывности жизни? Как из одинаковых кубиков или механически перемешанных частиц появляется непрерывность, протянутость жизни? Края каждой частности взаимно пропускают друг друга, размываются, в цепь кольцо за кольцо? Скорее на периферии находится что-то объединяющее разные клочки, выявляющее одну их природу сущего. И может просветление чем бы оно не было, есть – расширения взгляда до периферии, где жизнь появляется и где себя же регистрирует. Нирвана – периферия без ничего впереди. Но что и на что мне нирвана? Бог – мертв. Смысла – нет. Истина – субъективна. Я как более чуткий сейсмограф своего поколения (спасибо, пожалуйста) чувствую торжество частности. Без конгломентирующей идеи или цели, жизнь слоится в руках. Я больше не могу обмануться, что жизнь во всех

ее проявлениях можно подчинить разумному. Как вписывается в любую конфессию или духовность, то что я чувствую спиной соприкосновение с ванной? Или капля? Можно ли такую независимую вещь вписать в свое объяснение мира? Реальность слоится и понятно что объяснение мира – еще одна вещь этого мира.

С другой стороны эволюция, химия, гормоны, атомы – являются нижней ступенью сборки мира, без которой он бы не мог осуществиться. Йога исследуют в МРТ, когда он находится в нирване и отмечают что происходит секреция того-то и этого. Но объяснение со стороны третьего лица неизбежно для третьего лица. Рассмотрение, анализ механизма часов не дает понимания существования, действия времени. Все самые жуткие мысли о материальности миражизни, миражи и точка зрения, не объясняющее ничего или объясняющее что-то в своей закрытой системе. В конце концов чувствуя материальность, можно получать огромное удовольствие. Ах бога – нет, смысла – нет, истины – нет, как прекрасно, как восхитительно, что я все еще жив, чем-то другим. Что я был обезьяной, а она чем-то другим. Я двигаюсь, ем и ощущаю твердость щупая твердое. Материальность может быть наполнена большим чудом, чем божественность. Здесь предмет не имеет значения. А в здесь ничего не имеет значения. Предмет сам по себе не имеет значения, безвреден, опасность в вытягивание, лепке его. Или наоборот. Предмет сам по себе нулевой, польза в вытягивание, лепке его. Так

в духовных учениях нету никакой такой духовности. В мантрах, в молитвах, не больше силы чем в других словах. Дело в том что человек ищущий приходит в руки учения своим мирским умом. Он приходит туда, как хочущий кушать приходит в кафе. И он не понимает, что внутренняя энергия толкающая его в учение и есть та сила, которая будет трансформировать обычные слова, в слова поднимающие вверх над собой. Учение единственно изменяет ритм. В таком случае, если уборка листьев нарушает мой естественный внутренний ритм, то почему бы ей не быть духовной практикой. Когда я устану можно крутить ладонями в разные стороны, или стараться рисовать идеальные круги. Сколько бесконечность не дели, все равно бесконечность. Любое действие или предмет, или слово наполнено одинаковой живостью – тем что существует. И значит любое может служить мостом.

Глава 1. Я – подлежащие

Я (17 ряд, 4 место) перехожу границу сна и яви. Как всегда таможенники потрошат набитые доверху сумки, неоставляя ничего. Невероятно насколько у них строгие законы. После полуграмма – перегруз, а перечень предметов на которые наложено вето, никто не учит, ибо единственное что можно вывозить это жухлую траву и господь! не больше полуграмма. Я последним идиотом проверяю каждый карманчик, каждый закуток, вожу по стенкам сумки ладонями, так умственно отсталый должен ощупывать цилиндр фокусника. Ничего нет. Ничего нет, пока я не нахожу за подкладкой разбитое и расплющенное лежит одиноко подобно мусору, который если кому-то и хочется, то точно не нужно, лежит под подкладкой “я – подлежащее”. Но мне хочется и мне нужно, разве ты не знаешь, что там я по улицам все собираю, как улику другой жизни, или отмычку или часть пока что неясного пазла. Я сожусь в сумку и кручу верчу в рука “я – подлежащее”. Кто тебя дал, выронил, или откуда ты прилетело, пришло ты само? Мои руки как у старого, заводного, ржавого механизма выполнять механические действие повинуюсь энергии, в этих движениях присутствуют замирания, пока вдруг не воцаряется тишина, хотя ключу оставалось пройти круг или два. Мне предлагали путешествовать автостопом, но (ах милый я, даже во сне, милый мой я) мне показалось

такая идея опасной. И конечно, можно в оправдание сослаться на то что у водителя точно будет играть что-нибудь отвратительное и громко, а я не любитель музыки, хорошей музыки, и звуков вообще. Но мои друзья уезжают, и хоть я отчасти верю в свою отговорку я констатирую факт “я – подлежащее”. Драгоценность ли ты, часть пазла, что-то собой открываешь, я надеваю тебя на шею, хоть ты и с проклятьем (не продать, не выкинуть, не отложить же нельзя). Я – лежащее. Я лежащее под чем-то. Я ни что иное как слово выполняющее определенную функцию в предложении. Я немного рекурсия. Уробороса одним зубом прикусившая хвост (может чтобы не потерять раз нашелся). И даже другие слова, как могло бы показаться при беглом взгляде, не подчиняется “я”, подлежащим. Глаголы вешают ярмо на “я”, прилагательные красят “я” и мнут его тестом, и все измываются. Еще есть наречия, но раз я все переворачиваю, то наречия помыкая глаголом, через посредника, измывается. Как все во сне ярче и космичней. Многое выглядит как бред или серьезным, хотя и то и то не так. Проблема в том, что оно слишком далеко от человека и поэтому мы либо не понимаем, либо восстанавливая, восстанавливаем на свой лад – разрушая. Однажды в осознанном сне я спросил подростка :”почему здесь меняет все свое место, переливчато и не точно в расфокусе”. Он ответил чтобы не продавали туфли. Как будто я ходил по сну с тюком, пытаюсь продать. Ну может быть для них это так. В общем их правительство борется таким методом с чрезмер-

ной серьезностью. Чтобы запоминать сны нужно быть гибче, совсем не настаивать, течь вместе с их миром. Да всякое “под” “над” и другая труха, обломочки языка, ниже “я”, подлежащего, но они как домашние животные – победа не очень престижная. Тоже самое что побороть кота. Я – подлежащее.

Я смотрю в потолок, мне очень грустно, оттого что утро, а уже не хочется жить, а жить надо, надо еще столько времени. Хочется плакать, у самого тела есть такая потребность, но я почему-то не плачу. Возможно в моем теле даже капиллярное натяжение не может противиться гравитации.

Глава 2. Лежать пока не встанешь

Я продолжал лежать думая как жить, если я и жизнь разные вещи. Если нет грубости заставляя считаться с собой, заставляя считаться с собой предметы. А все вокруг предметы. Если ты наблюдатель разворачивающейся в подворотне потасовки, и видишь ее, потому что повернул налево, а не направо, а кто-то лежит, корчится, умирает. Если события могут смять меня, пока я перебирая переставляю слова. Или вставая в туалет посреди ночи, я вижу выжженный фонарем на шторе кусочек. И оно для меня? ждало меня? оно нужно? без него не случится что-то? нет оно случай, как и всё остальное. У меня нет сил собирать хаус, он все время из рук моих выпадает и обжигает. И думается что единственным постулатом надо сделать принятие всего происходящего. Но оно же тоже противоречит общему, где в общем есть неприятие, если все течет мимо и является всем. Да, просто живи дальше, лучшее что может сказать себе человек, который не может и не хочет жить.

Через час я встал. Меня выкурила из кровати какая-то птица. И если бы это была бы не она, то мочевой мой пузырь бы. Она пела в общем так-то не так уж и плохо, но долго, под окном без остановки, повторяя одно и то же. В зале взглянув через тюль, стекло, москитную сетку и прутья, я понимая о чем можно было так петь, так долго и однобоко.

Преодолев $\frac{3}{4}$ преград, на балконе, я смотрю на свой залитый золотом дворик, изредка самые отзывчивые листья молодых и худых тополей, еле еле пошевелиются. И ветра нету и шевелятся они думаю сами, и для последнего дня октября погода не может и вымыслиться такую прекрасной. Конечно, когда у тебя из дел на день, только выпить кофе и повесится (здесь важна последовательность, без кофе не хватит сил встать на стул, вязать петлю), происходит такое. Чтобы еще раз подтвердить, что жизнь течет сама по себе, и полна изобилия, а ты дурак. Хмуришься сейчас, точно также как и вчера, не ощущая волн и полей. Энергии космоса или что там еще, не резонируешь с ней, с этим. Я сам за себя, оно само по себе. Я иду в туалет, и опять в зале я понимаю, что выйду на улицу буду гулять, гулять и что-то делать. Ведь если можно вдруг потерять равновесие, подскользнуться, упасть, то почему нельзя его также приобрести.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.